

АЛЕКСАНДРА ИРБЕ

...А БАБУШКА ВСЁ ПЕЛА

МАТУШКА

Мне долго прослужил её совет:
“Не в том секрет, чтоб приближаться к свету,
а в том, чтобы в себе приметить свет,
его хранить и с ним идти по свету”.

Двор монастырский... Лестница крута
в прохладе келий.
На душе — усталость.
Мне — восемнадцать.
В сердце — духота.
(А я тогда и вправду задыхалась!)

По небу — мерный звон колоколов,
а по земле — тропинки, клумбы, грядки.
Хотелось, чтобы приняли без слов
и чтобы приютили без оглядки.

Сбежать хотелось от понятия “жизнь”
и, будто вечность, простоять на пирсе
над морем тем, которое кружит,
бросает в бездны и бросает в выси.

ИРБЕ Александра – выпускница Литературного института им. Горького, член Союза писателей России. Лауреат конкурса “Золотой микрофон”, Грушинского фестиваля в номинации “Поэзия”, конкурса на “Лучшее стихотворение года” журнала “Литературная учёба”, обладатель гран-при фестиваля Ю. Визбора “Горные вершины”, автор пяти поэтических книг. Подборки стихов печатались в журналах “Литературная учёба”, “Юность”, “Москва”, “Московский вестник”, “Кольцо А”, “Млечный путь” и др.

Пускай другие плещутся, плывут,
ждут кораблей, с морской пучиной спорят,
смеются, плачут, спорят, водку пьют
и по ночам любимых беспокоят.

Пускай они!.. Но тут она вошла:

— Ты дочь ко мне?

— Хочу у вас остаться!

— Ты верующей сколько лет была?

Молчу... Потом приходится признаться.

— Сюда не жить приходят — отдыхать!

И отдых тут не так уж и обычен:

на службу в пять приходится вставать.

Взгляни на двор!.. Он тоже не вторичен!

Ты грядки полешь? ...Я опять молчу.

— Переночуй!.. А там... домой с рассветом.

Все, что дано нам в жизни, по плечу.

Ты вспоминай, пожалуйста, об этом.

И в том и суть, чтоб в мире сеять свет.

И в том и путь, чтоб через все тревоги,

через десятки самых разных лет

и не по общей — по своей дороге!..

Двор монастырский... Звон колоколов...

Сиянье белых стен над речкой сонной.

Ах, матушка, я б заглянула вновь,

но даже имя не сумею вспомнить.

Ах, матушка, мне дорог твой завет,

но сил почти для жизни не осталось.

Спокоен стал и холоден мой свет,

и давит грудь душевная усталость.

Нет... я сбежать от жизни не хочу!..

Но многое, о чем приятно вспомнить,

и многие, о коих я молчу,

давно ушли из наших дней и комнат.

И — уж прости — не радостен уход.

Я знаю, что по силам и дается,

но каждый новый, каждый светлый год,

в нем кто-то не спешит, а остается.

И как дать силы, сколько нужно рук,

чтоб те, кого люблю, в кого я верю,

не замыкали этой жизни круг,

а в Новый год распахивали двери?!

* * *

Был жаркий день... А бабушка все пела

(на дольний мир раскинув два крыла),

она впервые пела, как хотела,

она впервые пела, как могла.

Шутила дочь: “С ума сошла, старуха!

И голос-то совсем уже не тот.

Вчера твердила: мол, не слышит ухо.

Сегодня, вон, расселась... и поет!”

И муж ворчал: “Но, дескать, ты распелась!
Здоровье, что ли, мать, побереги!..”
А самому сказать ему хотелось:
“Хоть отмерли у бабы две ноги,

а как поет!.. И хороша, как прежде!”
И, покурить, пристроясь у крыльца,
он примечал и красоту, и нежность
ее тоской изрытого лица.

Она же пела все верней, все проще.
И, точно бусы, звуки из груди
выстраивались в те леса и рощи,
которые остались позади.

И слушал куст рябины и брусники,
плетень, обнявший яблоню слегка:
и солнечные блики, блики, блики
всё больше заполняли облака.

Закат алел... А бабушка всё пела.
Дочь мылась в бане, муж готовил щи.
А песня, точно ласточка, летела,
искрилась, точно пламя от свечи.

Теперь в саду один остался — мальчик,
песочный замок строивший впотьмах;
он чудным был смятением охвачен,
он растворялся в звуках и в мечтах.

То шел в огонь, плечо приставив другу,
то на корабль пиратский залезал,
то в цирке мчал на лошади по кругу,
то на ракете к звездам улетал.

Закат погас... А бабушка всё пела.
Еще поет — уже прошли года.
Поет легко, свободно, неумело,
через озера, горы, города.

И двор утих... И яблони не стало...
И баня покосилась на плетень...
Но бабушка петь в небе не устала,
одна поет... Над миром... Целый день.

И прислонившись к серенькой калитке,
я вспоминаю замок из песка,
бросаю милой бабушке улыбки,
через века бросаю — в облака.

Теперь скажу немного про искусство
(я выучила бабушкин урок):
искусство там, где заполняют чувства
валторны наших дней и наших строк

уже не для похвал и не для славы
(и не в ферзях спортивный интерес),
они не бередают — а лечат раны,
и оттого касаются небес.